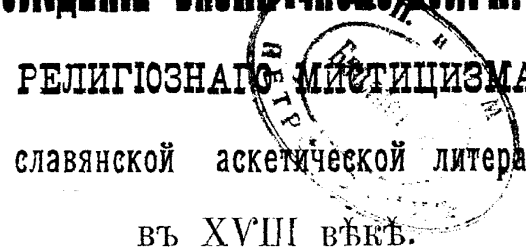
А. К. Яцимирскій

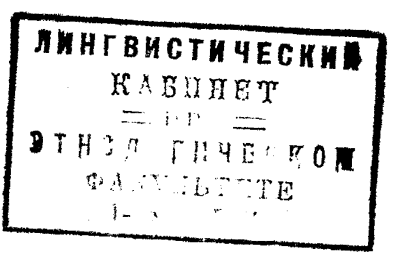
ВОЗРОЖДЕНІЕ ВИЗАНТІЙСКО-БОЛГАРСКАГО

РЕЛИГІОЗНАГО МИСТИЦИЗМА

и славянской аскетической литературы

въ XVIII вѣкѣ.





ХАРЬКОВЪ.
Электрическая Типо-Литографія С. А. Шмерковича, Московская 15.
1905.

Отдѣльн. оттиски изъ сборника статей въ честь профессора М. С. Дринова

Возрожденіе византійско-болгарскаго религіознаго мистицизма и славянской аскетической литературы въ XVIII вѣкѣ.

Аскетизмъ никогда не прекращался. Правда, по временамъ онъ какъ бы замиралъ, о немъ переставали говорить и писать, имъ никто уже не интересовался и, казалось, наступалъ конецъ этой своеобычной формѣ христіанской мысли. Но за реакціей слѣдовало новое возрожденіе, и аскетизмъ снова воскресалъ, словно легендарный фениксъ. Во главѣ новаго движенія стояли обыкновенно великіе люди, убѣжденные дѣятели. Среди нихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ „молдавскій старецъ“ Паисій Величковскій, возродившій аскетизмъ въ формѣ византійско-болгарской исихіи, столь характерной для XIV вѣка.

Все, что мы знали до сихъ поръ о Паисіи, ограничивалось свѣдѣніями, внесенными въ книгу „Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго“, изданную Оптиной пустынью. Эта книга представляетъ переводъ „Житія“, составленнаго монахомъ Нямецкаго монастыря Григоріемъ на румынскомъ языкѣ и напечатаннаго въ типографіи того же монастыря въ 1836 году. Первое русское изданіе вышло въ Москвѣ въ 1847 году, при содѣйствіи извѣстнаго оптинскаго старца Макарія и братьевъ Кирѣевскихъ, которые обратились къ митр. Филарету за разрѣшеніемъ выпустить въ свѣтъ переводы Паисія Величковскаго, какъ книги, „служащія надежнымъ руководствомъ къ дѣятельной христіанской жизни“. Филаретъ разрѣшилъ изданіе, которымъ и занялась цѣлая коммиссія ученыхъ изъ духовенства, тяготѣвшихъ къ Оптиной пустыни. Затѣмъ послѣдовали два другія изданія Житія, которое сразу же нашло много читателей. Недавно нами открыта неизвѣстная до сихъ поръ автобіографія Паисія на славянскомъ языкѣ, проникнутая аскетической тенденціей, написанная очень живо и вполнѣ правдиво. Рукопись принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ и поступила сюда изъ собранія свящ. о. Ѳеофила Гепецкаго въ Бессарабіи. Есть основаніе думать, что эта автобіографія была подъ руками у нямецкаго монаха Григорія; но онъ выбиралъ изъ нея факты такъ осторожно и не умѣло, что въ концѣ концовъ совершенно обезличилъ фигуру замѣчательнаго старца, и изъ живого и симпатичнаго человѣка далъ какой-то обстрактный образъ сухого подвижника

со всѣми книжными и строго каноническими чертами. Въ то же время, автобіографія Паисія даетъ намъ очень много данныхъ, сближающихъ его дѣятельность съ тѣмъ мистическимъ и литературнымъ движеніемъ, которое имѣло мѣсто въ Византіи и Болгаріи въ XIV вѣкѣ.

Можно даже думать, что это именно мистическое движеніе Византіи, Болгаріи и отчасти Западной Европы, замолкшее въ концѣ XIV вѣка, съ новой силой возродилось черезъ четыре столѣтія. Побывавъ на Аѳонѣ, неизбѣжной школѣ для монашества старой формы, старецъ Паисій вдохновился высокимъ образомъ исихастовъ стараго времени, и все это движеніе религіозной мысли перенесъ въ Молдавію. Отсюда уже оно перешло въ Россію. Отраженіе аѳоно-молдавскаго мистицизма XVIII вѣка мы видимъ также въ какомъ-то не вполнѣ еще выясненномъ движеніи, появившемся въ той же Оптиной пустыни въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Вліяніе о. Матѳея на Гоголя, Кирѣевскихъ, о Макарія на нихъ же, на Шевырева, Погодина, Максимовича, Норова, Леонида (Кавелина), Т. Филиппова, Климента (Зедергольма) и другихъ повидимому, также обязано традиціямъ Паисіевой школы. Припомнимъ, что въ началѣ XIX вѣка въ Россію уходятъ наиболѣе даровитые и дѣятельные иноки Нямецкаго монастыря. Изъ нихъ назовемъ слѣдующихъ:

I. Архимандритъ Софроніевой пустыни въ Курской губерніи Ѳеодосій, ученикъ старца Василія и товарищъ Паисія. Въ 1767—1787 годахъ онъ былъ настоятелемъ валашскаго Мерополянскаго монастыря а послѣ второй турецкой войны приглашенъ Потемкинымъ въ Россію.

II. Старецъ Клеопа, настоятель Островской пустыни, въ которой имъ былъ введенъ аѳонскій уставъ старца Паисія, знакомаго ему лично по Аѳону и Молдавіи.

III. Іеромонахъ Клеопа малоруссъ, постриженникъ Паисія въ Нямецкомъ монастырѣ. Въ 1801 году онъ перешелъ въ Россію, сначала въ Бѣлобережскую пустынь орловской губ., а затѣмъ—на Валаамъ († 1816).

IV. Схимонахъ Ѳеодоръ, уроженецъ г. Карачева, постриженъ въ Нямецкомъ монастырѣ. Въ 1801 году онъ покинулъ Молдавію и скитался по русскимъ обителямъ, живя въ Бѣлобережскомъ, Палеостровскомъ, Валаамскомъ и Александро-Свирскомъ монастыряхъ († 1822 г.). Житіе его, составленное на основаніи автобіографическихъ записокъ, напечатано въ 1839 году

V. Схимонахъ Аѳанасій, извѣстный переписчикъ при Паисіи, бывшій ротмистръ какого-то гусарскаго полка. Съ 1777 года онъ жилъ во Флорищевой пустыни и другихъ монастыряхъ († 1825).

VI. Другой Аѳанасій, бывшій секретарь одного изъ сенатскихъ департаментовъ. Жилъ онъ и на Аѳонѣ, и въ Молдавіи, и въ Свѣнскомъ монастырѣ орловской губ. († 1811). Въ 1791 году онъ принесъ въ Петербургъ новый переводъ „Добротолюбія“, сдѣланный Паисіемъ по порученію С.-Петербургскаго митр. Гавріила, и работалъ надъ исправленіемъ приготовлявшейся къ печати этой книги.

VII. Монахъ Павелъ, постриженникъ Паисія въ Нямецкомъ монастырѣ. Въ началѣ XIX столѣтія Павелъ ушелъ въ Москву и жилъ въ Симоновомъ монастырѣ. Онъ принесъ изъ Молдавіи житіе Паисія, переведенное на славянскій языкъ, и въ 1842 году оно было переписано симоновскимъ монахомъ Иларіономъ Ремизовымъ

VIII Монахъ Герасимъ, постриженникъ того-же Паисія, жилъ въ Софроніевой пустыни.

IX. Монахъ Ѳеофанъ, въ мірѣ казакъ Ѳеодоръ Тулунинъ, также постриженъ Паисіемъ. Въ 1800 году онъ ушелъ въ Оптину пустынь. О его воздержаніи разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующее. Однажды Ѳеофанъ рѣшилъ ничего не ѣсть втеченіе всего великаго поста и только по воскресеньямъ пить теплую воду „отъ сухости“. Когда братія замѣчала ему, что онъ умретъ отъ истощенія, то подвижникъ отвѣчалъ:

—Нѣтъ! Христосъ Спаситель излилъ всю Свою кровь до послѣдней капли, а во мнѣ еще много крови.

Кончина Ѳеофана († 1819) сопровождалась очень трогательными сценами, описанными его сподвижниками.

Кромѣ этихъ девяти непосредственныхъ учениковъ Паисія, въ Россіи извѣстны были и другіе духовные дѣятели, замѣчательные по своимъ книжнымъ и аскетическимъ трудамъ, напр., намѣстникъ Новоспасскаго мон-ря Александръ, впослѣдствіи архим. Арзамасскій, и его духовный другъ іером. Филаретъ—ученики учениковъ Паисія; извѣстный настоятель Оптиной пустыни Моисей, ученикъ упомянутаго свѣнскаго схимника Аѳанасія (VI); другой настоятель, оптинскій старецъ Леонидъ, ученикъ упомянутаго схимонаха Ѳеодора, который въ то время жилъ въ Челнскомъ монастырѣ (IV); третій настоятель, Макарій, ученикъ схимонаха Аѳанасія (V), жившаго въ Площанской пустыни, издатель сочиненій и переводовъ Паисія, четвертый настоятель, о Амвросій, издавшій переработанный переводъ „Лѣствицы“ Паисія, и т. д.

Популярность Величковскаго въ Россіи видна также ихъ множества записей, сдѣланныхъ его учениками и почитателями на старыхъ славянскихъ рукописяхъ. Въ одной изъ нихъ говорится, что старецъ почилъ о Господѣ съ миромъ 1794 года ноября 15 дня и погребенъ тамъ, „гдѣ гробъ его и поднесь зрится. Братіи у себя имѣлъ болѣе пяти сотъ человѣкъ. Сей бѣ великій учитель и ревнитель монашескаго безмолнаго житія“.

Такимъ образомъ, будущему изслѣдователю представится задачей прослѣдить связь между монашескими завѣтами Паисія и нѣкоторыми проявленіями русскаго религіознаго мистицизма въ прошломъ столѣтіи. Особенно интересной является какая-то смутная связь между религіознымъ настроеніемъ Паисія и извѣстнаго дѣятеля А. С. Стурзы, обязаннаго несомнѣнно молдавскому вліянію. Впрочемъ, эта тема далека отъ круга нашихъ интересовъ: теперь ясно только то, что русскій мистицизмъ не обошелся безъ вліянія Величковскаго и его школы.

Насъ занимаютъ, главнымъ образомъ, тѣ черты въ дѣятельности Паисія, благодаря которымъ онъ является какъ-бы продолжателемъ дѣла

Григорія Синаита и Григорія Паламы, Θеодосія и Евѳимія Тырновскихъ, ихъ предшественниковъ и послѣдователей. Паисій оставилъ послѣ себя до 300 рукописей, содержащихъ какъ разъ тѣ самыя произведенія аскетическихъ писателей, которыя рекомендовались греко-болгарскими исихастами и довольно полно представлены въ рукописяхъ XIV вѣка. Греческій мистицизмъ чрезъ Аѳонъ проникъ въ Болгарію, а болгарское движеніе, продолжавшее существовать, по крайней мѣрѣ, въ рукописной литературѣ на томъ же Аѳонѣ, нашло себѣ пріютъ въ Молдавіи во второй половинѣ XVIII вѣка. И тамъ, и здѣсь была сравнительно бѣдна литература оригинальная: она ограничивается твореніями патріарха Евѳимія и старца Паисія. За то особенно оживленной является литература переводная; кое-что изъ нея было извѣстно въ Болгаріи и раньше, по старымъ переводамъ; теперь списки размножились въ огромномъ количествѣ, прежній переводъ подновлялся, свѣрялся съ греческими текстами, которые пріобрѣтали особенный авторитетъ, исключались собственно болгарскія черты, однимъ словомъ, въ школѣ Паисія дѣлалось то же самое, что въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Въ силу этого, языкъ и правописаніе Паисія было нормировано подобно требованіямъ грекофила Евѳимія. При установленіи орѳографіи имъ приняты во вниманіе четыре начала: русскіе церковные тексты, затѣмъ южнорусскіе, отчасти старые болгарскіе и наконецъ греческіе. Въ основу новыхъ переводовъ клались средне-болгарскія рукописи, частью найденныя имъ въ нѣмецкой библіотекѣ, частью вывезенныя съ Аѳона, изъ монастырей Зографа, Пантократора, св. Павла и Ксенофа. Подновленіе славянскихъ текстовъ шло одновременно со свѣркой съ греческими оригиналами. Въ рукописяхъ Паисія находимъ цѣлый рядъ греческихъ глоссъ на поляхъ, иногда—непереведенныя слова. Приверженность къ буквѣ служитъ главнымъ отличіемъ и предшественниковъ Евѳимія, и Паисія съ его учениками. Въ обоихъ случаяхъ были выработаны даже особые почерки, необыкновенно устойчивые, въ значительной степени скрадывавшіе индивидуальныя особенности отдѣльныхъ писцовъ. Однимъ словомъ, нѣмецкій монастырь послѣдней четверти XVIII вѣка представлялъ собой подобіе тырновской обители св. Троицы, гдѣ сосредоточивалась главная литературная дѣятельность болгарской литературы и монашества въ XIV вѣкѣ.

Кромѣ того, цѣлый рядъ характерныхъ отличій исихастовъ этого именно времени подходитъ къ самому Паисію. Достаточно ознакомиться съ открытой нами автобіографіей, и мы найдемъ, что литературно-историческая критика должна покоиться на сравненіи „Житія“ и реальной дѣятельности Паисія съ немногочисленными памятниками греко-болгарской агіографической литературы XIV вѣка—житіями Григорія Синаита, Θеодосія, Евѳимія, Ромила и другихъ. Итакъ, на основаніи автобіографическихъ запи-

сокъ Паисія перескажемъ вкратцѣ главные моменты его жизни и дѣятельности.

Автобіографія начинается разсказомъ о рожденіи Паисія: „Азъ, монашества и священничества недостойный іеросхимонахъ Паисій, рожденъ и воспитанъ есмь въ преславномъ малороссійстемъ градѣ Полтавѣ отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей". „Родихся азъ на концѣ 1722 лѣта декемврія 21 и отъ купели божественнаго крещенія дано мнѣ имя Петръ, на память отца нашего Петра митрополита Кіевскаго и всея Россіи. Отецъ мой бѣ Іоаннъ Величковскій, протопопъ полтавскій. Мать же— Ирина, яже во иночествѣ переименована бысть Іуліана монахиня. Прѣпрадѣдъ мой бѣ по отцу Симеонъ, знатный и богатый казакъ; прадѣдъ же, Лука Величковскій,—протопопъ полтавскій. По матери же прадѣдъ мой бѣ славный и богатый купецъ еврейскаго рода, прозываемый Мандя, иже и крестися въ Полтавѣ, въ приходѣ Преображенія Господня со всѣмъ домомъ своимъ. Дѣдъ же—Григорій Манденко." Уже это одна подробность, еврейское происхожденіе одного изъ предковъ Паисія, для насъ очень драгоцѣнна. Она объясняетъ намъ органическое стремленіе будущаго аскета къ созерцательному направленію.

Четырехъ лѣтъ мальчикъ лишился отца и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іоанномъ, впослѣдствіи настоятелемъ Успенской церкви въ Полтавѣ, воспитывался подъ надзоромъ матери. Семи лѣтъ онъ отданъ былъ въ ученіе грамотѣ, но черезъ два года вышелъ изъ школы и продолжалъ учиться дома у старшаго брата. Подъ вліяніемъ чтенія аскетическихъ книгъ и житій святыхъ, въ душѣ мальчика зараждается ревность „къ оставленію міра и воспріятію святого монашескаго образа." Въ 1735 году умираетъ братъ Петра, Іоаннъ, и мать отправляется къ извѣстному кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ рекомендаціей отъ крестнаго отца мальчика, полковника Василія Васильевича Кочубея. По обычаю времени, мальчикъ произноситъ предъ преосвященнымъ „стихи нѣкія, отъ учена мужа сотворены." Передъ посѣщеніемъ митрополита мальчикъ очень грустилъ, потому что ему никакъ не удавалось сказать стихотвореніе громко и ясно. Но когда его ввели въ покои преосв. Рафаила, то Петръ почувствовалъ такой нервный подъемъ, что произнесъ стихи „со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно." Архіерею понравился бойкій мальчикъ. Онъ отдалъ матери грамоту на право замѣщенія имъ впослѣдствіи прихода его покойнаго отца, но сначала велѣлъ отдать Петра въ Кіевское духовное училище, гдѣ тотъ и пробылъ три года.

Одновременно съ ученіемъ идетъ чтеніе книгъ, и монашескій идеалъ не только всецѣло поглощаетъ самаго Петра, но увлекаетъ еще нѣ-

скольких его товарищей по училищу. Особенное вліяніе имѣлъ на Петра схимникъ Пахомій изъ Братскаго Богоявленскаго монастыря; у него было нѣсколько „отеческихъ“ книгъ, и нѣкоторое время онъ самъ проводилъ жизнь въ традиціонномъ странствованіи и пустыняхъ. Рѣшительный поворотъ въ пользу аскетическихъ убѣжденій Петра совершается тогда, когда онъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Два товарища куда то исчезли изъ школы. Петръ сейчасъ понялъ, что они ушли „монашества ради“ въ Китаевскую пустынь. Предположенія его оправдались. Въ свободное отъ занятій время онъ отправился туда, получилъ благословеніе настоятеля о. Ѳеодосія и провелъ въ скитѣ два дня, все время бесѣдуя съ молодыми послушниками, которые убѣждаютъ его оставить міръ. Впечатлѣніе отъ ихъ бесѣдъ получилось неотразимое: Петръ перестаетъ учиться съ прежней охотой, на каникулы не ѣдетъ къ матери и цѣлыми днями посѣщаетъ кіевскіе монастыри, церкви и пещеры. Наконецъ онъ отправляется въ Китаево, славившееся строгостью жизни схимниковъ, и тамъ сподобляется увидѣть „священнолѣпотныя сѣдины, блѣдожелта и измождала отъ поста и воздержанія лица“ нѣсколькихъ монаховъ. Подъ вліяніемъ этого, Петръ объявляетъ о своемъ намѣреніи постричься настоятелю Китаевской пустыни. Тотъ призываетъ юношу въ свою келію, садится самъ и обращается къ Петру со словами:—

Брате, сядп здѣ,—указуя рукой и мѣсто оно, идѣже повелѣваше ми сѣсти.

Но Петръ не исполняетъ приказанія и вмѣсто того низко кланяется. Настоятель повторяетъ приказаніе три раза. Петръ продолжаетъ стоять молча Очевидно, это былъ первый искусъ молодого подвижника въ послушаніи.

—О брате,—говоритъ игуменъ, ты молилъ мя, да пріиму тебе во святую обигель нашу монашества ради. И се, въ души твоей не вижду ни слѣда монашескаго устроенія. Не вижду въ тебѣ смиренія Христова. Не вижду въ тебѣ послушанія и отсѣченія воли твоея и разсужденія, но сопротивное все. Вижду въ тебѣ устроеніе и мудрованіе міра сего, вижду въ тебѣ гордыню діаволю.

Затѣмъ автобіографъ влагаетъ въ уста настоятеля пространное по ученіе на тему о монашескомъ смиреніи. Какъ впослѣдствіи оказалось, троекратное приказаніе сѣсть было лишь испытаніемъ. Узнавъ, что у Петра есть мать, которая можетъ разыскать сына и взять изъ обители, настоятель рѣшительно отказываетъ ему въ посвященіи, и опечаленный юноша возвращается въ Кіевъ.

Въ это время въ Кіевѣ остановился пріѣхавшій послѣ турецкой войны въ Россію молдавскій митрополитъ Антоній, вмѣстѣ съ нѣсколькими-

ми церковнослужителями. Въ Кіевѣ они совершали служеніе на молдавскомъ языкѣ. „Коликія радости душа моя исполняшеся, услышавши и симъ благословеннымъ языкомъ Богу славословіе возсылаемо,—вспоминаетъ Паисій.—И дивны судьбы Божія, яко оттолѣ начатся въ души моей немало любы къ благословенному сему молдавскому языку и народу и къ богохранимой сей земли.“ Петръ подружился съ однимъ изъ іеромонаховъ, Пахоміемъ, но ученіе продолжалось очень вяло. Петръ рѣдко посѣщалъ училище, и въ концѣ января съ нимъ случилось первое „искушеніе.“

Одинъ изъ его товарищей донесъ начальству, что Петръ совсѣмъ не хочетъ учиться, и что матъ его напрасно только тратитъ на него свои средства. Призванный къ отвѣту, Петръ открыто объявляетъ ректору о своихъ аскетическихъ намѣреніяхъ. Что же касается „внѣшняго ученія,“ то, по словамъ юноши, отъ него онъ не ожидаетъ никакой пользы; „слыша бо въ немъ часто вспоминаемыхъ боговъ и богинь еллинскихъ и басни піитическія, возненавидѣхъ отъ души таково ученіе“.

Рѣчь Петра напоминаетъ полемическіе трактаты христіанскихъ проповѣдниковъ противъ еллинства и не обходится безъ обычнаго наставительства. Онъ рѣшается даже сдѣлать выговоръ ректору по поводу того, что напрасно въ училищѣ мало вниманія удѣляютъ изученію твореній святыхъ отцовъ. Безплодны были увѣщанія ректора, Сильвестра Кулябки, продолжать ученіе, и наставникъ хотѣлъ было уже дать приказаніе высѣчь ученика. Это подѣйствовало на Петра, и онъ остался въ школѣ, хотя попрежнему учился безъ всякой охоты.

Въ концѣ концовъ будущій подвижникъ бросаетъ ученіе и рѣшается уйти въ Черниговъ къ своему другу іеромонаху Пахомію, такъ-какъ бывшій молдавскій митрополитъ Антоній въ это время былъ митрополитомъ Черниговскимъ. (1740—42). Путешествіе было сопряжено съ большими затрудненіями. Приходилось ѣхать въ лодкѣ по рѣкѣ. Былъ октябрь, погода холодная. Петръ не имѣлъ теплой одежды; слабый отъ рожденія, онъ съ трудомъ управлялъ лодкой. Его спутники обходились съ нимъ довольно сурово. За нѣсколько дней бѣлье его покрылось вшами, и во время остановокъ онъ долженъ былъ стряхивать ихъ въ огонь костра.

Пахомій посовѣтовалъ Петру постричься въ Любечскомъ монастырѣ, куда тотъ и обратился. Монахи приняли Петра очень ласково, а монастырь произвелъ на него сильное впечатлѣніе своей скромностью и воздержаніемъ иноковъ. Настоятель опредѣлилъ послушника на кухню, гдѣ ему пришлось нести тяжелую службу. Здѣсь онъ подружился съ іеромонахомъ Іоакимомъ, который далъ ему для чтенія Лѣствицу Іоанна Схоластика. Творенія Синайскаго аскета пришлись по душѣ Петру, и онъ рѣшился переписать ихъ для себя. Такъ-какъ свѣчей у него не было, то

онъ долженъ былъ работать при свѣтѣ самодѣльной длинной лучины, вты-кая ее въ скважину стѣны. Эта подробность очень интересна.

Переписка шла,—вспоминаетъ Паисій въ своей автобіографіи,—„съ великимъ неудобствомъ дыма ради; не имѣя бо нигдѣ прохода, низпущающеся внизъ и наполняше келію мою. Егда же схождаше и ниже главы моея, отнюдь не можахъ болѣе писати, но отверзахъ окно коморки тоя, вхождахъ въ велику келію и ждахъ, дондеже поднимашеся дымъ вгору. И вшедъ въ коморку, затворяхъ окно и писахъ дондеже и паки пополняшеся дыма. И тако на всяку нощь творя, немалое неудобство къ дѣлу сему имѣхъ. Послѣже же, стяжавъ кандило и вливая въ не олѣю, писахъ при немъ мало удобнѣе". Вскорѣ въ Любечскій монастырь былъ назначенъ новый игуменъ, человѣкъ строгій. У Петра съ нимъ произошло недоразумѣніе изъ за выданной имъ монахамъ капусты безъ разрѣшенія игумена, и молодой послушникъ ушелъ изъ монастыря странствовать по разнымъ обителямъ и скитамъ Малороссіи.

Посвященіе въ рясофоръ Петръ получилъ въ Медвѣдовскомъ Николаевскомъ монастырѣ Кіевской митрополіи, находящемся на островѣ рѣки Тясмины, причемъ при нареченіи ему дано было имя Парѳеній. Но небольшое обстоятельство заставило его перемѣнить это имя. Одновременно съ нимъ, посвятили другого послушника, котораго назвали Платономъ. При выходѣ изъ церкви монахи перепутали эти два имени и Парѳенія стали называть Платономъ, а Платона Парѳеніемъ. Паисій не желалъ поднимать исторіи изъ за имени, и такъ навсегда остался съ именемъ Платона. Такъ-какъ Медвѣдовскій монастырь вскорѣ былъ закрытъ, то Платону-Парѳенію поневолѣ пришлось уйти изъ него. Онъ опять приходитъ въ Кіевъ и опредѣляется въ Печерскую лавру, гдѣ въ видѣ послушанія ему указано было состоять при управляющемъ печерской типографіей іеромонахѣ Веніаминѣ, а также при типографіи у іеросхимонаха Макарія [1]), „рукодѣлію учитися иконы изображати на мѣди". Одновременно съ работами по гравированію, Платонъ подвизается въ монашескихъ добродѣтеляхъ, поетъ и читаетъ на клиросѣ, описываетъ, между прочимъ, жизнь подвижниковъ пещеръ, свидѣтельствуя, что истинная аскетическая жизнь была въ то время очень развита среди печерскихъ иноковъ.

Затѣмъ въ автобіографіи слѣдуетъ вводная глава: „Повѣсть о матери моей, что случися ей по отшествіи моемъ отъ нея." Оказалось, что старушка сначала скорбѣла о томъ, что сынъ постригся въ монахи, но затѣмъ съ ней случился припадокъ умономѣшательства: ее мучили бѣсы,

---

[1]) Повидимому, Макарій Синицкій, іеромонахъ черниговскаго Ильинскаго монастыря; послѣдняя его работа датирована 1738 годомъ, *Ровинскій,* Словарь русскихъ граверовъ, 592—593.

она сильно страдала, и всѣ ожидали ея кончины. Чтобы отогнать бѣсовъ, она попросила читать надъ ней акаѳистъ, и во время чтенія съ ней произошло чудо. Неожиданно для всѣхъ, она вдругъ сказала громко, что больше уже не жалѣетъ о сынѣ. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ это самое время у ней было видѣніе, и она только повторяла слова ангела. Затѣмъ она сама постриглась въ Святопокровскомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Полтавы, гдѣ подвизались ея родственницы, и вскорѣ скончалась.

Послѣ смерти матери-инокини, Платонъ не былъ привязанъ къ какому нибудь опредѣленному мѣсту, и съ тѣхъ поръ начинаются скитанія его по монастырямъ южной Россіи, традиціонное монашеское peregrinatio academica. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ встрѣчалъ начитанныхъ въ святоотеческихъ твореніяхъ старцевъ или монаховъ, хорошо знакомыхъ съ Молдавіей и Валахіей, дававшихъ ему книги для прочтенія. Одинъ изъ нихъ, Игнатій, къ этому времени хотѣлъ возвратиться въ Валахію въ свой скитъ Трейстены, возлѣ города Фокканъ. Онъ предложилъ Платону уйти изъ Россіи, на что тотъ согласился. Скоро они пришли въ скитъ Долхоуцы. Здѣсь жили строгіе подвижники, уединившіеся въ самыя глухія и пустынныя мѣста. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Рафаилъ, упражнялся въ переписываніи отеческихъ книгъ и „оттуду нуждная къ тѣлесному окормленію стяжаваше“. Всѣ они подчинялись своему старцу Василію. Отсюда наши странники перешли въ скитъ Трейстены, гдѣ игуменомъ былъ іеромонахъ Дометій. Здѣсь Платонъ впервые познакомился съ церковнымъ правиломъ по чину Аѳонской горы и встрѣтился, между прочимъ, съ землякомъ, схимонахомъ Протеріемъ, малороссіяниномъ изъ Полтавскаго полка, изъ города Решетиловки.—Въ мірѣ сей художествомъ бѣ златарь,—говоритъ Паисій.—Сей въ монашествѣ зѣло прекрасныя лжицы дѣлая и продая, съ неисповѣдимою любовію странныхъ иноковъ пріемля, угощаваше“.

Жизнь Трейстенскихъ подвижниковъ описана очень подробно, и Паисій не разъ даетъ великолѣпныя жанровыя картины. Престарѣлый схимникъ кормитъ птицъ, которыя довѣрчиво влетаютъ къ нему въ келію. А когда старецъ шелъ въ церковь, птицы садились ему на голову, на плечи, летали вокругъ него и весело щебетали. Когда онъ входилъ въ церковь, птицы садились на крышу и ждали его выхода. Затѣмъ тѣмъ же порядкомъ провожали его обратно до самой келіи. Кромѣ него, въ монастырѣ былъ схимонахъ Іоаннъ великороссъ, который кормилъ братію на свои собственныя средства, причемъ передъ трапезой омывалъ имъ ноги и лобызалъ ихъ. „Прочіе же изъ нихъ,—говоритъ Паисій,—преписующе книги отеческія, отъ сего пропитаніе себѣ имѣяху“; вообще, монахи много трудились, воздѣлывали землю, строили новыя келіи и т. д.

Платона сдѣлали поваромъ, но онъ стряпалъ настолько неудачно, что братія открыто выражала свое недовольство. Впослѣдствіи дѣло уладилось, и онъ научился даже печь хлѣбъ, при чемъ очень комично разсказываетъ о своихъ неудачныхъ опытахъ въ печеніи хлѣба: вмѣсто хлѣба у него вышла тягучая замазка. Одновременно съ этимъ идутъ упражненія въ аскетическихъ подвигахъ, и идеалъ строгой жизни выростаетъ передъ нимъ въ недосягаемую высоту. Въ это время въ Валахію пришелъ старецъ Василій, извѣстный Платону по Россіи, человѣкъ необыкновенно книжный и строгій подвижникъ. Автобіографъ сожалѣетъ, что не имѣлъ возможности пользоваться его совѣтами и жить вмѣстѣ съ такимъ мужемъ, такъ какъ Василій вскорѣ уѣхалъ въ свою обитель.

Однажды въ Трейстены прибылъ іеромонахъ Осія съ Аѳона. Во время его пребыванія въ монастырѣ не случилось ничего особеннаго, но при прощаніи, обращаясь къ тремъ молодымъ послушникамъ, онъ сказалъ:

—Оставайтеся съ Богомъ и вы, святіи тріе отроци!

Монаховъ поразило совпаденіе начальныхъ буквъ именъ трехъ послушниковъ—Алексѣя, Алексѣя и Михея—именъ трехъ вавилонскихъ отроковъ—Ананія, Азарія и Мисаила. Поэтому, когда ихъ постригли въ рясофоръ, имъ дали имена библейскихъ ревнителей праотцевой вѣры.

При описаніи своей жизни въ этомъ валашскомъ монастырѣ Паисій останавливается на іеромонахѣ Михаилѣ, который имѣлъ такой обычай. „Въ недѣльные и праздничные дни, по трапезѣ немногу прошедшу времени, исхождаше изъ келіи и сѣдяше близъ церкве на травѣ зеленѣй подъ древесы садовными, яже бяху окрестъ церкве. Приходяще же и братья, сѣдяху близь старца, и начинаше старецъ бесѣдовати къ братіи". Такія душеспасительныя бесѣды бывали не только по праздникамъ, „ни и по ночамъ, егда случахуся луною просвѣщаемы бывати, собирающеся съ старцемъ братія на томжде мѣстѣ бесѣдоваху до полунощи, съ ними же и азъ послѣднѣйшій, сѣдя и слушая прилежнѣ слушая глаголемыхъ".

Величковскому было опредѣлено послушаніе смотрѣть за скитскимъ виноградным садомъ, который находился на горѣ, въ верстѣ отъ монастыря. Игуменъ далъ ему заповѣдь—не ѣсть винограда до трапезы. Но сочныя гроздья казались ему такими соблазнительными, что онъ наѣдался до обѣда, и на трапезѣ почти ничего не ѣлъ. Отъ этого онъ заболѣлъ, исхудалъ, спалъ съ лица. Впрочемъ, по сборѣ винограда онъ опять поправился. Платону была отведена келія далеко отъ церкви, и однажды онъ не услыхалъ клепанія въ било на утреню. Когда онъ проснулся и пришелъ въ церковь, то уже прочли Евангеліе. Платонъ очень скорбѣлъ по этому поводу, „и толико объятъ мя срамъ неисповѣдимый, яко на божественную литургію отнюдь не могохъ пойти, но отошедъ далѣе отъ келіи,

сѣдяхъ на земли и плакахъ". Игуменъ замѣтилъ, что братъ Платонъ не приходилъ въ церковь, и послалъ разузнать о немъ монаха Аѳанасія. Происходитъ трогательная сцена, полная драматическаго движенія. Платонъ плакалъ, рыдалъ, упалъ на землю передъ старцемъ, ничего не могъ говорить и т. д. „И оттолѣ, донелѣже тамо пребывахъ, не дерзахъ на одрѣ лежа спати въ нощи, бояся подобнаго случая, но сѣдя на лавѣ, спахъ мало".

Въ октябрѣ съ скитъ Трейстены пришелъ схимонахъ Онуфрій изъ Архангельскаго скита Кырнула на рѣкѣ Бузеу, до этого живший втеченіе долгаго времени на высокихъ горахъ Валахіи. Въ бесѣдѣ съ братіей онъ повѣдалъ имъ „красоту мѣста онаго, и здравіе воздуха и воды, и прочія угодія къ житію". Разсказъ Онуфрія подѣйствовалъ на Платона, и вмѣстѣ съ нѣсколькими монахами онъ отправился на нѣкоторое время въ Кырнульскій скитъ. „Пройдохомъ,—говоритъ онъ,—въ предлежащій намъ путь превеликими лѣсами и полями и прекрасными высокими горами".

Опять черта, связывающая возрожденіе мистицизма въ XVIII вѣкѣ съ византійско-болгарскими исихастами XIV вѣка: любовь къ пейзажу, чувство красоты въ природѣ. Въ памятникахъ агіографической литературы другого времени мы не найдемъ подобной любви къ внѣшней природѣ.

Платонъ занялъ одну келію вмѣстѣ съ отцомъ Азаріей, а затѣмъ переселился въ келію болѣе отдаленную. Затѣмъ Паисій описываетъ церковь и монастырь Кырнулъ, созданный валашскимъ господаремъ Мирчей воеводой, воды, садъ съ фруктами, аѳонскій чинъ и обычаи монастыря. Особенно близокъ онъ былъ къ іеромонаху Алексію, „иже овогда убо чтяше намъ отъ книгъ отеческихъ и сказоваше намъ силу словесъ чтомыхъ пространнѣйшею бесѣдою, овогда же бесѣдоваше къ намъ по богоданному разуму своему и наставляше насъ совѣтомъ своимъ духовнымъ".

Иногда Платонъ навѣщалъ пустынника Онуфрія, пребывавшаго въ безмолвіи въ своей келіи, на разстояніи одного часа ходьбы отъ монастыря. „Путь бѣ прекраснымъ лѣсомъ, и келія его бѣ на концѣ горы оныя, отъ неяже далече видяхуся прекрасныя пустыни, горы, холми и раздолія, всѣ преисполнени великими лѣсами. И низше келіи его бѣ источникъ воды присиотекущій, къ немуже степенѣми схождаше почерпати воду и восхождаше". Рукодѣліе Онуфрія состояло въ производствѣ деревянныхъ ложекъ, тарелокъ, чашъ, малыхъ и большихъ коробокъ изъ липоваго дуба, съ крышками. Онъ съ охотой пересказывалъ молодой братіи разные эпизоды изъ жизни восточныхъ анахоретовъ, „и азъ немалу отраду въ души моей сподобляхся имѣти,"—прибавляетъ автобіографъ.

Пребываніе въ Кырнулѣ продолжалось недолго, такъ какъ Алексѣй получилъ приказаніе отъ своего духовнаго отца, старца Михаила, возвратиться въ Трейстены для того, чтобы отсюда вмѣстѣ идти въ Поянооворон-

скую обитель. Платонъ остался одинъ. Вскорѣ и Кырнульскій игуменъ ушелъ куда-то. Новый игуменъ, по имени Варѳоломей, былъ ученикомъ старца Стефана іеромонаха, „много лѣтъ пожившаго въ пустыни въ предѣлахъ Черниговскихъ. Егда же возбранено бѣ въ Россіи по пустыни монахомъ жити, тогда со всечестнѣйшимъ старцемъ отцемъ Василіемъ схимонахомъ и съ прочими ревнители во Угровалахійскую землю пришедъ, вселися во единъ скитъ, именуемый Валя Штіопулуй, идѣже и жизнь свою сконча". Новый игуменъ оказался опытнымъ и добрымъ „старцемъ". Онъ выстроилъ новую просторную келію спеціально для собесѣдованій и общей трапезы и, между прочимъ, разрѣшилъ монахамъ ѣсть кислое молоко и сыръ, приносимые богомольцами. Рыбы въ томъ скитѣ не было.

Здѣсь прерываются автобіографическія записки Паисія, и для дальнѣйшаго изложенія мы должны пользоваться Григоріевымъ пересказомъ, выбирая изъ него наиболѣе характерныя подробности.

Въ Валахіи Паисій пробылъ немного болѣе трехъ лѣтъ, съ цѣлью изучить румынскій языкъ. Въ это время ему было 24 года, и, какъ необходимую ступень къ подвижнической жизни, молодой монахъ долженъ былъ совершить путешествіе на Аѳонъ. Это было въ 1746 году.

Раньше мы указали, какую память по себѣ оставилъ Паисій въ Россіи. То же самое можно сказать и относительно Аѳона. Такой же популярностью пользуется память о Паисіи и на Аѳонѣ, въ особенности въ возобновленномъ имъ Ильинскомъ скитѣ. Очень возможно, что благодаря давнишней враждѣ аѳонскихъ монаховъ разныхъ націй, въ глазахъ малорусскихъ иноковъ Ильинскаго монастыря образъ Паисія получилъ какой-то національнстическій характеръ. Теперь Паисій считается борцомъ за малорусскихъ монаховъ противъ греческихъ притязаній.

Первый изъ посѣщенныхъ имъ монастырей была лавра св. Аѳанасія, далѣе—Пантократоръ, гдѣ кромѣ грековъ были и славянскіе монахи. Авторъ „Житія" описываетъ высокіе монашескіе подвиги Платона, его воздержаніе, умерщвленіе плоти, молитву, безмолвіе и т. д. Въ то же время онъ читалъ книги, которыя бралъ изъ болгарскихъ монастырей. Прошло еще три съ половиной года. Изъ Валахіи прибылъ на Аѳонъ извѣстный уже намъ старецъ Василій изъ Мерлополяны. Молодой анахоретъ проситъ опытнаго въ постническихъ добродѣтеляхъ старца посвятить его въ мантію, что и было совершено въ 1750 году.

Черезъ четыре года слухъ о новомъ подвижникѣ разнесся по св. Горѣ, и къ Паисію стали приходить ревновавшіе о безмолвномъ житіи иноки, среди которыхъ были, между прочимъ, и изъ Валахіи. Всѣмъ имъ Паисій говоритъ о трудности монашеской жизни, и біографъ влагаетъ въ уста старца пространныя поученія на аскетическія темы.

Новыхъ учениковъ принималъ Паисій не особенно охотно и выдерживалъ ихъ на предварительномъ испытаніи по 3 и по 4 года. Когда около него набралось 8 учениковъ „молдавскаго языка“, то пришлось пріобрѣсти келію св. Константина съ церковью; за ними явились еще 4 ученика, но уже „словенскаго языка“. Это было незадолго до 1757 года.

„И начаша чести и пѣти молдавскимъ и словенскимъ языкомъ правило въ церкви,—читаемъ въ Житіи. Естественно, братія нуждалась въ священникѣ и духовникѣ, но Паисій долго отказывался принять священство, говоря, что изъ-за этого только онъ и ушелъ изъ Валахіи. Въ концѣ концовъ имъ удалось упросить его, и Паисій сдѣлался іеромонахомъ.

Наконецъ, монахамъ стало тѣсно въ прежней келіи и, получивъ благословеніе пребывавшаго на Аѳонѣ патріарха Серафима, Паисій переселился въ пустовавшую келію прор. Иліи, принадлежавшую тому же Пантократорову монастырю, и началъ строить собственный скитъ. Общими усиліями создана была церковь, трапеза, пекарня, поварня, странноприимница и 6 келій, такъ-какъ старецъ рѣшилъ не принимать больше 15 братій. Монахи ревностно соблюдали правила святой вѣры, при чемъ опять румыны были отдѣлены отъ славянъ. Но братіи прибывало; чинное служеніе, смиреніе и молчаніе монаховъ новаго скита,—все это привлекало новыхъ учениковъ. Братія непрестанно трудилась, „и самъ старецъ книги отеческія (вся убо жизнь его во бдѣніи всенощномъ бяше, и болѣе трехъ часовъ не можаше спати), переводя я съ греческаго на славенскій языкъ. Изучися бо помощію Божіею вскорѣ не точію простого греческаго, но и еллинскаго, отъ общаго своего брата, именемъ Макарія, добрѣ вѣдяща той языкъ, и въ началѣ подъ руководствомъ онаго преводяше“. Между прочимъ, Паисій пользовался расположеніемъ патріарха Серафима, который часто пріѣзжалъ къ нему на ослѣ и подолгу бесѣдовалъ о духовныхъ и душеспасительныхъ предметахъ или же приглашалъ Паисія совершать богослуженіе въ Пантократоровомъ монастырѣ.

Опять черта, сближающая Паисія съ исихастами XIV вѣка: „И тамо служаше греческимъ языкомъ,—разсказываетъ Григорій,—не спѣшно и благоговѣйно со страхомъ Божіимъ, непрестанно слезами ланитѣ свои омочая: никогда же бо можаше безъ слезъ святую литургію прослужити во всей жизни своей. Святѣйшій же патріархъ, стоя со слезами, глаголаше: слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! А стоящіи въ олтарѣ, видяще его тако всего ко Богу простерта, паки измѣненна и плачуща, едва могуща возгласы глаголати, толико умиляхуся и плакаху, яко иніи, не могше и стояти во олтарѣ слезъ ради, исхождаху“.

Подобно тому, какъ у Григорія Синаита былъ противникъ, извѣстный калабрійскій монахъ, такъ и у Паисія оказался такой же завистникъ

въ лицѣ престарѣлаго монаха Аѳанасія, молдованина, изъ скита Капсокалива. Онъ хулилъ ту самую умную молитву, которую проповѣдывалъ Паисій. Аѳанасій пишетъ Паисію посланіе, въ которомъ рядомъ съ дружелюбными наставленіями были хулы, укоризны и многія несправедливыя мудрованія. Соборъ духовниковъ приказалъ Паисію отвѣтить Аѳанасію и обличить его. Такимъ образомъ появилась первая редакція трактата Паисія объ умной молитвѣ въ 14 главахъ, повторявшаго многія мѣста извѣстныхъ Словъ противъ ереси Акиндина и Варлаама. Заблудшій монахъ позналъ въ концѣ концовъ свою ошибку и просилъ прощенія у старца.

Между тѣмъ число братій настолько увеличилось, что пришлось переселиться въ монастырь Симонетру, а затѣмъ подумать о переселеніи въ Валахію. Происходитъ трогательное прощаніе съ патріархомъ, и Паисій отплываетъ съ Аѳона. Монахи раздѣлились на двѣ партіи: на одномъ кораблѣ ѣхали славяне съ самимъ Паисіемъ, на другомъ—молдоване съ отцомъ Виссаріономъ. Они вышли на берегъ въ Галацѣ и остановились въ скитѣ Варзарештахъ. Но ни въ одномъ изъ валашскихъ монастырей не оказалось свободнаго мѣста, и Паисій уходитъ въ Молдавію.

Когда въ монастыряхъ сѣверной Молдавіи появился старецъ Паисій съ цѣлой школой переводчиковъ и переписчиковъ и обновилъ упавшее молдавское монашество,—старой славяно-румынской культуры, можно сказать, здѣсь уже не существовало. Одновременно съ греческимъ вліяніемъ и началомъ возрожденія румынскаго народа на національной почвѣ, было поднято сильное гоненіе на всѣ слѣды славянства, которое не находило уже защитниковъ въ лицѣ самихъ румынскихъ книжниковъ и должно было искать поддержки извнѣ. Такимъ дѣятелемъ и былъ Паисій Величковскій, принадлежавшій къ тои семьѣ замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей, которыми такъ была богата старая Малороссія.

Молдавскій митрополитъ Гавріилъ и господарь Григорій Каллимахъ приняли Паисія съ радостью и отдали ему пришедшій въ упадокъ монастырь Драгомирну со всѣми угодьями, освободивъ его, согласно старинному обычаю, отъ всякихъ налоговъ и даней. Но такъ какъ Драгомирна принадлежала радовской епархіи, то митрополитъ Гавріилъ просилъ епископа радовскаго, „да вручитъ Паисію монастырь со всею любовію и подобающею честью“. Однимъ изъ первыхъ событій въ жизни обновленнаго монастыря было посвященіе Паисія въ схиму, но съ оставленіемъ прежняго имени. Затѣмъ было учреждено общежитіе по чину святой Горы, по уставу Василія Великаго, Ѳеодосія Великаго и Ѳеодора Студита. Идеаломъ монашества, по мнѣнію Паисія Величковскаго, должна быть киновія со всѣми атрибутами этой строгой аскетичестой организаціи. Уставъ Паисія интересенъ еще и тѣмъ, что на основаніи его мы можемъ составить нѣкото-

рое представленіе о монашескомъ бытѣ болѣе отдаленныхъ временъ, быть можетъ, тѣхъ монастырей XIV вѣка, въ которыхъ подвизались византійскіе и болгарскіе мистики. Несомнѣнно, Паисій собралъ во время своего пребыванія на Аѳонѣ всѣ свѣдѣнія объ устройствѣ монастырей той эпохи, которую желалъ воскресить въ Молдавіи.

Намъ кажется, что Паисій могъ привести въ исполненіе свой завѣтный идеалъ древняго монашества только въ одномъ изъ мало популярныхъ монастырей сѣверной Молдавіи. Въ этомъ отношеніи Молдавія представляла необыкновенно благопріятную почву. Сюда стекались монахи изъ разныхъ мѣстъ, начиная съ Россіи, главнымъ образомъ, Украйны, и кончая Греціей. Монастырская жизнь стояла въ сторонѣ отъ начинавшагося уже тогда чисто румынскаго возрожденія, и „славянскій“ характеръ реформы Паисія не нашелъ себѣ тѣхъ противниковъ, которые, естественно могли бы быть во всякой другой странѣ. Характерно и то, что только въ интернаціональной Молдавіи Паисій могъ создать довольно архаичный книжный славянскій языкъ, правда, съ преобладаніемъ русскихъ чертъ. Итакъ, все благопріятствовало обновленію монастырской жизни и старой церковно-учительной славянской книжности. Прежде всего было обращено вниманіе на внѣшнее благоустройство монастыря. Начальникомъ надъ больницей былъ поставленъ опытный въ этомъ дѣлѣ старецъ Онорій. Усиленныя занятія Паисія по переводу книгъ съ греческаго на славянскій и молдавскій чередовались съ поученіями неутомимаго старца за трапезой и чтеніемъ новыхъ переводовъ. Результатомъ такихъ необычныхъ уже для XVIII вѣка книжныхъ и аскетическихъ трудовъ явилось умноженіе братіи и преуспѣяніе ея въ монашескихъ подвигахъ, что несказанно радовало старца. Особенно предостерегалъ онъ своихъ учениковъ отъ любостяжанія, при чемъ предсказывалъ разореніе общежительнаго устава именно отъ „любонмѣнія“. Пророчества Паисія напоминаютъ намъ черты византійскихъ и болгарскихъ мистиковъ XIV вѣка. Между прочимъ, онъ предсказалъ лютую смерть господарю Григорію Гикѣ, увидѣвъ нѣсколько разъ во снѣ мечъ, висящій надъ головой молдавскаго правителя на одномъ волоскѣ; и дѣйствительно, по приказаніи султана, Гикѣ отсѣкли голову. Другой разъ, Паисій долго увѣщевалъ одного изъ своихъ монаховъ исправиться. Но тотъ не слушался и на третій день утонулъ. Третьему онъ предсказалъ смерть въ дорогѣ.

Одновременно съ началомъ русско-турецкой войны, въ 1768 году Молдавію постигли и другія бѣдствія —моръ и голодъ; а когда въ 1774 году, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, русскія войска ушли изъ Молдавіи, то Австрія предъявила къ Портѣ свои притязанія на Буковину. Монастырь Драгомирна отошелъ къ Австріи, и монахи впали въ печаль, жалуясь

господарю и митрополиту на то, что не могутъ теперь „подъ папистами пребывати“, прося дать имъ Секульскій монастырь. Господарь согласился, и въ 1775 году Паисій, вмѣстѣ съ 350 монахами, переселяется въ Секулъ, причемъ переноситъ сюда и созданный имъ общежительный уставъ. Но вскорѣ и Секулъ сталъ тѣсенъ для многочисленной братіи Паисія, и онъ снова обращается съ просьбой къ господарю Константину Мурузи о предоставленіи ему болѣе помѣстительнаго монастыря. Сенатъ указалъ господарю на Нямецкій, какъ на монастырь, наиболѣе удобный для переселенія Паисія.

Получивъ разрѣшеніе перейти въ Нямецъ, по свидѣтельству Житія, Паисій горько плакалъ, болѣзненно и неутѣшно рыдалъ; онъ предвидѣлъ гибель „душевнаго устроенія“ своей братіи, такъ-какъ въ богатый монастырь, навѣрное, будутъ пріѣзжать гости и знатныя лица и своимъ пребываніемъ нарушатъ мирное теченіе монашеской жизни. Старецъ пересталъ ѣсть и спать, такъ-что братія боялась даже, чтобы онъ не умеръ отъ безмѣрной печали. Но дѣлать было нечего, и въ навечеріе Успенія 1779 года Паисій покинулъ Секульскій монастырь Очевидецъ этого переселенія, Митрофанъ описываетъ трогательную сцену прощанія великаго старца съ монастыремъ и торжественно-простого передвиженія монаховъ въ Нямецъ. Предъ нами великолѣпная картина, словно выхваченная изъ какого-нибудь древняго восточнаго Патерика. Престарѣлый и больной Паисій не можетъ итти и долженъ ѣхать на повозкѣ, а братія окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, словно пчелы матку, слушая духовныя бесѣды своего наставника.

Преобразованія въ Нямецкомъ монастырѣ были такого же характера, какъ и въ двухъ предыдущихъ. Опять особое вниманіе было обращено на больницу, гигіеническія условія которой были поставлены очень высоко, и на широкое странопріимство, что даетъ поводъ автору Житія назвать Паисія вторымъ Авраамомъ. Число братіи увеличилось уже до четырехсотъ. Разъ въ годъ Паисій посѣщалъ Секульскій монастырь, гдѣ жилъ по 9 дней, поучая монаховъ на славянскомъ и молдавскомъ языкѣ. Во время второй турецкой войны, въ 1790 году въ Нямецкій монастырь пріѣхалъ архіеп. Амвросій Серебрениковъ. Онъ посвятилъ Паисія въ санъ архимандрита. Съ этого приблизительно времени начинается то паденіе строгой жизни монаховъ, которое еще раньше предвидѣлъ прозорливый старецъ; по словомъ автора Житія, причинами была „молва, излишество, мятежъ и коемуждо свое его о себѣ попеченіе и сихъ ради божественныхъ и отеческихъ писаній чтенія и себѣ вниманія оставленіе“. Тѣмъ не менѣе, самъ Паисій не оставлялъ трудовъ по переводу и перепискѣ книгъ, и составитель Житія по этому поводу восклицаетъ: „О, безстрашнѣйшаго

и свята мужа! О души чистыя, соединенныя съ Богомъ! Весь любовію прилѣпленъ бѣ къ Богу, весь и ко ближнему разливавшеся любовію". Наконецъ силы стали измѣнять старцу, онъ не могъ уже переводить что нибудь вновь и только просматривалъ свои прежніе труды; не могъ онъ выходить изъ келіи, и 15 ноября 1794 года, на 72 году отъ рожденія тихо скончался, оплакиваемый всею братіей. Погребеніе было совершено всѣмъ соборомъ, такъ-какъ приглашенный для этого епископъ гушскій Веніаминъ опоздалъ.

Похороненъ Паисій въ Вознесенскомъ храмѣ Нямецкаго монастыря, у правой стѣны. Надъ его могилой виситъ большой портретъ почившаго, писанный масляными красками. Надпись на мраморной могильной плитѣ до сихъ поръ не издана. Она писана очень красивой вязью, типичной и для XVII вѣка; лѣвый столбецъ занятъ славянской надписью, правый румынской. Приведемъ славянскую часть:

„Здѣ почиваетъ блаженный отецъ нашъ іеросхимонахъ и архимандритъ старецъ Паисій малороссіянинъ, иже отъ Аѳонской горы съ 60 учениками въ Молдавію пришедъ и ту множество братій собравъ и общежитіе собою обновивъ, ко Господу отиде 1794 года ноембрія 15, во дни благочестиваго господаря Михаила Суцула воеводы и преосвященнаго митрополита Іакова".

Память о Паисіи до сихъ поръ жива въ Нямецкомъ монастырѣ, не смотря на то, что монастырь пережилъ тяжелый антиславянскій кризисъ въ половинѣ XIX вѣка, что все славянское теперь изъ него изгнано, что уставъ Паисія замѣненъ болѣе легкими обычаями греческихъ монастырей, а богослуженіе совершается только на румынскомъ языкѣ. Первые старцы Нямецкаго монастыря послѣ Паисія были малороссы. Благодаря имъ заведена типографія, изъ которой вышло много цѣнныхъ изданій славянскимъ шрифтомъ, а живыя сношенія съ южной Россіей поддерживались до 50 годовъ прошлаго столѣтія. Изъ румынскихъ іерарховъ особенно почиталъ Паисія извѣстный митрополитъ молдавскій Веніаминъ Костаки.

Паисій замѣчателенъ не только какъ аскетъ и администраторъ, но и какъ неутомимый писатель. О книжныхъ трудахъ Паисія извѣстно было до сихъ поръ очень немногое. Инвентарь оставшейся послѣ него въ Нямецкомъ монастырѣ библіотеки показываетъ уже кругъ книжныхъ интересовъ нашего переводчика; подробное изслѣдованіе рукописей Паисія и его пріемовъ при переводѣ можетъ послужить темой для очень интереснаго самостоятельнаго труда. Изъ одного только списка вновь переведенныхъ Паисіемъ аскетическихъ твореній видно, что возрожденіе монашества и славянской письменности въ Молдавіи во второй половинѣ XVIII вѣка во

многихъ чертахъ было повтореніемъ того религіознаго и культурнаго движенія, которое имѣло мѣсто въ XIV вѣкѣ въ Византіи и Болгаріи.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о Паисіи, какъ книжникѣ. Мы видѣли уже, что списываніемъ книгъ юноша Петръ занимался еще въ Россіи, когда ему было около 17 лѣтъ. Но это были лишь случайные труды. Первымъ толчкомъ къ сильному аскетическому перелому въ его настроеніи и къ систематическимъ книжнымъ работамъ онъ обязанъ знакомству съ валашскими монахами. На Аѳонѣ онъ образовываетъ уже цѣлую школу переводчиковъ и переписчиковъ. Почеркъ Паисія передался и ученикамъ его. Съ каждой переведенной и исправленной имъ рукописи дѣлалось по нѣсколько копій, изъ которыхъ нѣкоторыя попали въ русскія библіотеки. Усиленная работа въ этомъ же направленіи начинается со времени переселенія Паисія въ Молдавію, а именно, въ монастырѣ Драгомирнѣ, вскорѣ послѣ 1763 года. Въ Григоріевомъ Житіи старца Паисія слѣдующимъ образомъ объясняется цѣль книжныхъ трудовъ Паисія: „Таже, дни и нощи нждивая со братьями молдавскаго языка, вышереченнымъ Макаріемъ и Илларіономъ даскаломъ и прочими вѣдущими еллино-греческій языкъ,—отецъ нашъ трудяшеся въ переводѣ на молдавскій и словенскій языки отеческихъ и богословскихъ книгъ. И егда собирахуся вся братія отъ внѣшнихъ послушаній въ зимнее время, и наступаше постъ Рождества Христова, тогда начинаше изъ оныхъ преведенныхъ книгъ соборнѣ поученіе творити отъ первыя седмицы поста и продолжаше до суботы Лазаревы. На всякій бо день, кромѣ недѣли и праздниковъ, собравшимся всѣмъ братіямъ въ вечеръ въ трапезу, и заженнымъ бывшимъ свѣщамъ, прихождаше отецъ нашъ. И сѣдъ на обычнѣмъ своемъ мѣстѣ, чтяше или книгу святаго Василія Великаго постническую, или святаго Іоанна Лѣствичника, или святаго Дороѳея, или святаго Ѳеодора Студита, или святаго Симеона Богослова, или иныхъ богоносныхъ отецъ. Въ единъ убо вечеръ славенскимъ языкомъ поученіе бываше, въ другой же молдавскимъ. И егда бываше кіимъ языкомъ поученіе, тогда другаго языка братія чтяху навечеріе. Старецъ же поученіе творя, абіе толкованіе, приводя свидѣтельство отъ святаго писанія обоего завѣта и отъ богоносныхъ отецъ ученія“. Дѣйствительно, на поляхъ всѣхъ рукописей-автографовъ Паисія находимъ отрывки изъ греческаго текста, съ которымъ онъ сверялъ свои переводы.

Біографъ Паисія разсказываетъ, что свои книжные труды старецъ не оставлялъ и въ послѣдніе годы жизни. „Тѣмже и самъ даже до смерти своея зѣло прилежаше къ переводу съ еллино-греческаго на славянскій языкъ отеческихъ и богословскихъ книгъ,—говоритъ Григорій,—да оставитъ пользу и окормленіе душъ хотящимъ и нынѣ подвизатися, рев-

новати же и внимати ученію богоносныхъ отецъ нашихъ. Како же писаше—и удивлятися подобаетъ: немощенъ бо тѣломъ отнюдъ бяше, и во всемъ правомъ боку бяху ему раны. На одрѣ убо, идѣже почиваше, окрестъ облачаше себе книгами: ту положены бяху словари разноязычніи, Библія греческая и словенская, Грамматика греческая и словенская, книга, изъ нея же преводъ творяше, посредѣ же свѣщи. Самъ же яко малое отроча, ѣдя согнувшеся, всю ночь писаше, забывля и немощь тѣла, и тяжкія болѣзни и трудъ". Совершенно больной, почти не встававтій съ постели, старецъ всетаки продолжалъ писать. За нѣсколько дней до смерти онъ перечитывалъ свои переводы и кое гдѣ дѣлалъ исправленія.

Такимъ образомъ, Величковскій замыкаетъ собой длинный рядъ писателей-славянъ, работавшихъ на книжномъ поприщѣ въ придунайскихъ господарствахъ Молдавіи и Валахіи съ конца XIV и до конца XVIII вѣка. Но вся его дѣятельность не оставила почти никакихъ слѣдовъ въ Молдавіи и прошла какъ-то безслѣдно. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что вся дѣятельность Паисія стоитъ какъ-бы внѣ времени и пространства. Его обращеніе къ старымъ византійско-болгарскимъ книжнымъ традиціямъ уже само по себѣ носило искусственный характеръ, чуждый всякой національности и эпохи. На румынское монашество онъ не могъ вліять, и его обаяніе не перешло за стѣны Нямецкой обители. Для болгарскихъ иноковъ его направленіе не могло подходить ни въ одномъ отношеніи. Оставался одинъ сѣверъ. И вотъ, значительная часть учениковъ Паисія ушла въ Россію, а небольшая группа его послѣдователей, убѣжденныхъ аскетовъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія основала на югѣ Бессарабіи Ново-Нямецкій монастырь, гдѣ до сихъ поръ сохраняются завѣты великаго старца во всей ихъ первоначальный чистотѣ.

А. И. Яцимирскій.